

О соотношении синхронии и диахронии у Ф. де Соссюра

К. Г. Красухин

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Фердинанд де Соссюр был выдающимся исследователем индоевропейского языкознания. Но в «Курсе общей лингвистики» заявлено предпочтение синхронии перед диахронией в языкознании. Однако у него нет почти ни одной работы, посвященной синхронному исследованию языка. Для разрешения этого противоречия автор внимательно анализирует работы Соссюра, рассматривая его основные результаты в области диахронии. 1. Рассмотрение структуры индоевропейского корня (с установлением основных ограничений на сочетаемость фонем), уточнение морфологической роли чередования гласных (и различных ступеней корневого вокализма), нахождение нестандартного аблаута (\bar{a}/i) в древнеиндийском, гипотеза о существовании сонантических коэффициентов. Тем самым Соссюр установил процедуру внутренней реконструкции: неоднократное отступление от системы языка может составить свою систему и быть наследием исчезнувшего, измененного языкового состояния. В статье это положение иллюстрируется анализом «малого юса» (Λ). Анализ чередований глагольных корней, содержащих его с учетом морфонологии презентных и инфинитивных основ показывает, что звук, передаваемый этой графемой, отражает праязыковое *ep, *et, а также η, η̄. Внутренняя реконструкция, таким образом, рассматривает язык в двух планах: синхрония и диахрония, засвидетельствованное и реконструированное состояние языка. 2. В статье уделяется также внимание закону Фортунатова – Сос-

Красухин К. Г. О соотношении синхронии и диахронии у Ф. де Соссюра // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 69–80.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 1
© К. Г. Красухин, 2017

сюра для литовского ударения. Оба крупнейших ученых независимо друг от друга установили, что в литовском ударение передвигается с циркумфлексированного слога направо, если за ним следует акутовый слог. Таким образом, четыре именные акцентуационные парадигмы в литовском могут быть сведены к двум: неподвижной и подвижной; некоторые падежные флексии с акутовой интонацией также оттягивают ударение с циркумфлексных корней. Имена с первично неподвижным ударением соответствуют баритонным именам в греко-арийских языках, а подвижные – окситонным. 3. Ритмический закон греческого языка заключается в том, что в греческом нетерпима цепочка из четырех кратких слогов. Если она образуется по морфологическим причинам (при присоединении словообразовательной или словоизменяющей морфемы), то один из кратких слогов либо удлиняется, либо синкопируется. Этот закон развился под влиянием гекзаметра – стихотворного размера, не терпящего трех кратких слогов подряд.

Вероятно, издатели «Курса», ученики Соссюра Шарль Балли и Альфред Сеше выражали собственные мысли о примате синхронии. Опубликованные материалы из архива самого Соссюра (собранные в «Заметках по общей лингвистике») содержат лишь соображения о необходимости различать синхронию и диахронию в языкознании и предположение об их дальнейшем объединении в панхроническом подходе.

Ключевые слова: Соссюр, синхроническая и диахроническая лингвистика, внутренняя реконструкция, акцентологический закон, ритмический закон.

УДК 821.161.1

Контактная информация: Красухин Константин Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором общей компаративистики Института языкознания РАН (Большой Кисловский пер., 1/12, Москва, 125009, Россия, krasukh@mail.ru)

О Соссюре сложилось устойчивое мнение: он отдавал предпочтение синхронным исследованиям языка перед диахроническими. Действительно, при желании в «Курсе общей лингвистики» (но больше ни в каких иных публикациях) можно найти подобные мысли. Однако подобная теоретическая установка никак не подтверждается собственной исследовательской практикой ученого. Все великие открытия Соссюра, изложенные в его прижизненных публикациях¹, относятся к реконструкции и истории

¹ Отчасти и посмертные: Соссюр с увлечением собирал в различных древних поэтических текстах созвучия, которые можно истолковать как анаграммы, но не печатал своих наблюдений.

языка. Эта тема интересовала его с ранней юности. Как указывают биографы, будучи гимназистом, он открыл переход $*\eta > a$ в греческом на основании перфектной формы у Геродота: $\tau\epsilon\tau\acute{\alpha}\chi\alpha\tau\alpha\iota < \tau\epsilon\tau\alpha\chi\text{-}\upsilon\text{-}\tau\alpha\iota$. Общеиндоевропейская флексия 3 л. мн. ч. $*-nt-$ оказывается в позиции после согласного, и $-n-$ становится слогообразующей единицей.

Единственная монография (и самая большая публикация) была напечатана Ф. де Соссюром на 22-м году жизни: знаменитый «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках»². Его помнят благодаря тому, что молодой исследователь предвидел существование ларингалов в праиндоевропейской фонетике. Действительно, открытие Соссюра вполне сравнимо с открытием выдающегося астронома Жана-Урбена Леверье (1849), который, изучая колебания в движении планеты Уран, предположил, что на нее воздействует другое массивное небесное тело, и вычислил его местоположение. Так «на кончике пера» была открыта планета Нептун. Для того чтобы понять, как Соссюр пришел к своему открытию, необходимо проанализировать его метод.

Прежде всего, Соссюр изучил структуру корня в индоевропейских языках и роль, которую в ней играло чередование гласных.

Корни имели ограничения на сочетаемость: допустимыми были (C)VC, (C)VR, (C)VRC. За смычным не мог следовать ни сонорный, ни иной смычный³.

Имелись следующие чередования гласных в корнях на сонорный: $e\acute{i} : \bar{e}\acute{i} : o\acute{i} : \bar{o}\acute{i} : i ; eu : \bar{e}u : ou : \bar{o}u : u ; er : \bar{e}r : or : \bar{o}r : r ; el : \bar{e}l : ol : \bar{o}l : l ; en : \bar{e}n : on : \bar{o}n : \eta ; em : \bar{e}m : om : \bar{o}m : \eta$. В корне с нулевой ступенью вокализма формировались слоговые сонанты. Каждая ступень корневого вокализма функционально значима. В древнеиндийском атематическом глаголе различаются сильные (активный залог ед. ч.) и слабые формы; в первых ударение стоит на основе с корнем или суффиксом в полной ступени вокализма и флексией в нулевой, во вторых основа имеет нулевую ступень, ударная флексия – полную. В глаголах II класса ступени вокализма чередуются в корне ($d\acute{e}gdhi < d\acute{e}h\text{-}ti$ ‘мазать’ < $*d^h\acute{e}ig^h\text{-}ti$: $digdh\acute{e} < *dih\text{-}t\acute{e} < *d^hig^h\text{-}t\acute{o}i$). В глаголах III класса акцент частично стабилизировался, аблаут в основном сохранился. Так, вед. $b\acute{i}bharmi$: $b\acute{i}bhr\acute{a}si$ отражает старое передвижение ударения и обусловленный им аблаут, как и $d\acute{a}dh\acute{a}ti$: 3 л. медия $dadh\acute{e}$. Но в паре $d\acute{a}dh\acute{a}ti$: 3 л. мн. ч. медия $d\acute{a}dhate$ ударение неподвижно; аблаут сохранился, как и в паре $d\acute{a}d\acute{a}ti$: 1 л. мн. ч. медия $d\acute{a}d\acute{a}mahe$. В назальных глаголах (V, VII и IX классы) корень стоит в нулевой ступени, а гласный чередуется в суффиксе: $\acute{s}r\eta\acute{o}ti$: $\acute{s}r\eta\acute{u}t\acute{e}$;

² Mémoire sur la systè̀me primitive de voyelles dans les langues indo-européennes. Leipzig, 1879.

³ В противном случае это новая морфема, как в хетт. $uatar$ (< $*uod\text{-}r$) ‘вода’, $tekan$ (< $*d^h\acute{e}g^h\text{-}\eta$) ‘земля’, $nekuz$ (< $*nek^u\text{-}t\text{-}s$) ‘ночь’.

yunákti : *yuñkté*; чередуется вокализм суффикса и в VIII классе: *tanoti* : *tanute*. В тематических глаголах присутствует полная ступень корня (в I и частично X классе), нулевая (в IV и VI классах). В тематических аористах представлена полная или нулевая ступень, в сигматических и перфекте – продленная: *róhati* – *áruhat*; *bhárati* – *ábhārṣam*, *jabhāra*. Страдательные же перфектные причастия с суффиксом *-tá-/ná-* образуются от максимально простого варианта корня в нулевой ступени: *śrutáḥ* (*śṛnóti*), *bhinnáḥ* (*bhináti*, *bhédati*). Это явление носит общеиндоевропейский характер: греч. *κλυτός*, гот. *bitans*. Оно хорошо объяснимо: суффикс с полной ступенью вокализма оттягивал на себя ударение.

Связь ступеней чередования с морфологией была известна древнеиндийским грамматикам. Грамматическую функцию аблаута описывали основатели сравнительного языкознания Франц Бопп (опиравшийся на древнеиндийскую традицию) и Якоб Гримм (внимательно анализировавший классы германского глагола). Во времена Соссюра еще не до конца было преодолено учение А. Шлейхера о трех гласных в праиндоевропейском вокализме (**i*, **a*, **u*) и позднем развитии **e* и **o* в европейских языках. Но наличие общеиндоиранского **e* подтверждается известным законом Коллица, согласно которому общесарийское *k* переходит в *s* перед исконным **e*: др.-инд. *sakman* ‘содружество’, но *sacate* ‘он следует’, авест. *hačá’te* ‘он следует’ (= греч. *ἕπεται*, лат. *sequitur* < **sek^ue-*). Гласный **o* в открытом слоге переходил в *ā*, поэтому др.-инд. *jajāna* фонемно совпадает с греч. *ῥέρονε*. В сигматическом же аористе корневой гласный удлинялся в индоиранскую эпоху. Долгота корня характеризует эту категорию также в церковнославянском языке; долог гласный в корне латинского сигматического перфекта. Вопрос о природе этого явления до сих пор дискуссионен. Таким образом, Соссюр, обобщая идеи Панини, Боппа и Гримма, показывает функциональную значимость каждой ступени аблаута в общеиндоевропейском языковом состоянии.

3. И после тщательного анализа корневого и суффиксального вокализма Соссюр переходит к не вполне стандартному чередованию долгот и краткостей *ā/i*: др.-инд. *dádhāti* : *hitáḥ* (греч. *τίθημι* : *θετός*), *dádāmi* : *ditáḥ* (*δίδομι* : *δοτός*), *tisthāti* : *sthitáḥ* (*ἵστημι* : *στατός*; др.-инд. инфинитив *sthātum* : *sthitáḥ* = латинский супин *stātum* : причастие *stātus*). Сравнение с другим глаголом III класса (*bíbharti* : *bhṛtáḥ*) наводит на мысль о том, что долгий звук развился из сочетания гласного с каким-то иным звуком. Эту гипотетическую фонему Соссюр назвал «сонантическим коэффициентом». Опираясь на греческий материал, он предположил, что их было два: *A* и *O*: *dhā/dhi* < **d^heA-/d^hA-*; *dā/di* < **deO₂/dO₂* (*eA* : *A*; *eO₂* : *O₂*). Соссюр также показал, что и родственные греческие корни в аналогичных позициях содержат нулевую ступень вокализма (см. выше причастия на *-to-* от них). Тот же тип чередования обнаруживает др.-инд. IX класс глаголов и его греческие соответствия (табл. 1).

Таблица 1

«Сонантические коэффициенты» в сильных и слабых формах глаголов

Класс глагола	Форма		
	действительный залог ед. ч.	средний залог	мн. ч.
V	<i>šr̥nōti</i>	<i>šr̥nuté</i>	<i>šr̥numáh, šr̥nuvánti</i>
VII	<i>yunákti</i>	<i>yun̥kté</i>	<i>yun̥jánti</i>
IX	<i>str̥nāti</i>	<i>str̥nīté</i>	<i>str̥nīmáh</i>
Греческий глагол	<i>δάμνημι</i>	<i>δάμναμαι</i>	<i>δάμναμεν</i>

Иными словами, речь идет не о единичном явлении, а о законе, объясняющем целую группу явлений. Безупречно обоснованная реконструкция Соссюра подтвердилась в 1927 г., когда в одном сборнике появились статьи Е. Куриловича и А. Кюни [Kuryłowicz, 1927; Cuny, 1927]. В них было показано, что в хеттском языке есть соответствие соссюрским «сонантическим коэффициентам». Это ларингалы, названные так потому, что соответствующий клинописный знак в аккадской письменности передавал ларингальный согласный. Они встречались именно в тех корнях, где, по Соссюру, должен был стоять сонантический коэффициент: **d^heA-* > *tehhi*, *deO-* > *dahhi*.

Мы видим безукоризненное применение приемов внутренней реконструкции (сам термин появился позже): система отступлений от нормы образует собственную подсистему и может рассматриваться как наследие более архаической системы. Например, в русском языке *я* может чередоваться с *н* и *м*: *(на)чать* – *(на)чну*, *мать* – *мну*, *жать* – *жну*, *жать* – *жму*. Это нас должно навести на мысль, что формы инфинитива скрывают сочетание неизвестной фонемы с носовым сонантом. И оно может быть источником йотированной фонемы /а/. Если обратиться к древнерусскому языку, то это будет еще очевиднее: *(на)чати* – *(на)чънѣ*, *мать* – *мънѣ*, *жать* – *жънѣ*, *жать* – *жъмѣ*. Таким образом, сонант сочетался с редуцированным звуком, т. е. представлял собой реализацию слогового сонанта перед гласным. Очевидно, что звук, передаваемый графемой *а*, происходил из сочетания гласного с носовым перед согласным. А вот был ли это слоговой сонант (**n̥*, **m̥*) или слог в ступени *e* (**en*, **em*), трудно сказать, опираясь только на внутренние данные языка. Дело в том, что в славянских языках имели место различные взаимоотношения ступени вокализма основ презенса и аориста (= инфинитива):

1) презенс в полной ступени вокализма – инфинитив в нулевой: *берж* – *брьрати*, *держ* – *дърати*;

2) презенс в нулевой ступени – инфинитив в полной: *мърж – мръѣти* (русс. *мереть*), *жърж – жръѣти*;

3) обе основы в полной ступени вокализма: *несж – нести*, *ведж – вести*;

4) обе основы в нулевой ступени: *тъкж – тъкати*, *съкж – съкати* ‘тянуть нить’.

К какому же классу следует отнести упомянутые глаголы? И здесь появляется еще одно требование, которому Соссюр старался следовать во всей своей научной деятельности: учет всех морфологических позиций, в которых возможна та или иная ступень вокализма. Нулевая ступень в славянских инфинитивах встречается в двух случаях: с суффиксом *-а-* и с суффиксом *-нж-*, когда он образует основу несовершенного вида: *сѣхнѣти*, (*въз*)*бѣнѣти* ‘просыхать’. Следовательно, в приведенных выше инфинитивах может стоять только полная ступень вокализма. А вот в (*по*)*гразнѣти*, *ванѣти*, *сакнѣти* тот же звук сформировался из слогового сонанта (согласно общей морфонологической характеристике подобных инфинитивов). Таким образом, графема *л* может соответствовать праязыковым **ep*, *et* и **ŋ*, *ŋ*. С приведенным выше *жсать – жсьнж* целесообразно сравнить *гьнати – женж*. Это глаголы одного корня, но относящиеся к различным морфонологическим классам и различающиеся значением.

Конечно, значение *юсов* можно установить благодаря внешнему сравнению, что и было сделано на заре компаративистики А. Х. Востоковым (1820). Но приведенное рассуждение показывает, что и синхронное состояние языка дает возможность установить некоторые черты его дописьменного прошлого. Таким образом, внутренняя реконструкция всегда работает как с синхронией, так и с диахронией, как с засвидетельствованными языковыми данными, так и с реконструированными. Значит, ее последовательное применение можно назвать панхроническим подходом к языку. И «Мемуар» Соссюра последовательно развивает именно такой подход. Видение диахронии в синхронных данных потом окажет влияние на его общелингвистическую концепцию. После Соссюра наиболее подробное описание индоевропейского аблаута было предложено Е. Куриловичем [Kurjłowicz, 1952; 1968].

Второе великое открытие Соссюра – акцентологический закон в литовском языке, названный его именем⁴. В отыменном глаголе *laikyti* ‘держать’, образованном от *laikas* ‘время’, произошло передвижение акцента на суффикс. Но в старолитовском сохранился глагол *raizyti* ‘резать’. Сравнивая глаголы, образованные с одним и тем же суффиксом, Соссюр обратил внимание на то, что у первого из них корень образован слогом с циркумфлексной интонацией, а у второго – с акутовой. Суффикс же *-y-* акутирован. Отметим, что современное *raižyti* развилось по аналогии

⁴ См.: Accentuation lituanienne // Indogermanische Forschungen. 1896. Bd. 6.

с *laikýti*; презенс *raižo*, претерит *raižė* по той же причине получили циркумфлекс; старая акцентуация сохраняется в *ráižioti* ‘то же’. Обобщив свои наблюдения, Соссюр вывел известный акцентологический закон: ударение передвигается на правый слог, если он несет акцент, а предшествующий – циркумфлекс: **laikýti > laikýti*.

Установив свой закон в области глагола, Соссюр обращается к акцентным отношениям в имени. В литовском языке имеются падежные окончания с акутовой интонацией: именительный, винительный, звательный дв. ч., творительный, местный ед. ч. (если не увеличивается на один слог) – так называемая группа винительного падежа. Они вызывают передвижение на них ударения у имен с циркумфлексным корнем. Но в ряде имен передвижение акцента осуществляется и на иные падежи, что тоже подчиняется определенным закономерностям. Тем самым переосмысливаются четыре акцентуационные парадигмы. В первой из них имеется корневое ударение во всех падежах. Во второй ударение передвигается на группу дательного падежа (родительный, творительный, местный мн. ч., дательный, творительный дв. ч., творительный и дательный ед. ч. на согласный, именительный и звательный мн. ч. на гласный). В третьей – только на группу винительного падежа, в четвертой – на обе группы. Открытие Соссюра позволило свести четыре парадигмы к двум: неподвижная и подвижная. В каждую входят имена с акутом и циркумфлексом на корне. Циркумфлектированные основы и образуют 2 и 4 а. п. Подвижная парадигма соответствует баритонной в древнегреческом и древнеиндийском; неподвижная соответствует окситонной в древнегреческом и санскрите. Это стало основанием для работ В. М. Иллич-Свитыча [1963] и В. А. Дыбо [1981], посвященных сопоставлению балто-славянской акцентуации с индоевропейской.

Приведем четыре акцентуационных парадигмы: *výras* ‘муж’, *mėdis* ‘дерево’, *vėidas* ‘лицо’, *stālas* ‘стол’ (табл. 2).

Независимо от Соссюра этот же закон открыл Ф. Ф. Фортунатов [1897]. Он же показал его действие и в праславянском: лит. им. п. *barzdà* : вин. п. *barzda* = русск. *борозда* : *бóрозду*. В. М. Иллич-Свитыч и В. А. Дыбо полагают, что в славянском подобное передвижение существует только в корнях с кратким согласным. Вопрос требует дальнейшего изучения.

Независимо друг от друга Соссюр и Фортунатов также открыли связь балто-славянских ударений с греко-арийскими долготами и краткостями. Литовское *pilnas* ‘полный’, с.-хорв. *пу̑н* соответствуют др.-инд. *pūrṇāḥ*, греч. *πλήρης*, лат. *plēnus*; *vilkas*, с.-хорв. *вук* – др.-инд. *vṛkas*, греч. *λύκος*, лат. *lupus*. Последующие исследования показали, что долготы связаны с ларингалами. Е. Курилович [Kuryłowicz, 1952] полагал, что балто-славянские тоны – вторичное явление. Однако в настоящее время большинство исследователей относят их к праиндоевропейскому языковому состоянию.

Таблица 2

Литовские акцентуационные парадигмы

Падеж	Парадигма							
	1		2		3		4	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
N.	výras	výrai	mėdis	mėdžiai	vėidas	veidaĩ	stālas	stalaĩ
G.	výro	výru	mėdžio	mėdžių	vėido	veidũ	stālo	staluĩ
D.	výrui	výrams	mėdžiui	mėdžiams	vėidui	veidams	stālui	stalam̃s
A.	výrą	virus	mėdį	medžiūs	vėidą	vėidus	stālą	staliūs
I.	výru	výrais	medžiū	mėdžiais	vėidu	veidaĩs	stālù	stalaĩs
L.	výre	výruose	mėdyje	mėdžiuose	veidė	veiduisė	stālė	staluosė
V.	výre	= N	mėdi	= N	vėide	= N	stāle	= N

Еще одно важное открытие Соссюра связано с греческой фонетикой. Это так называемый ритмический закон в греческом языке⁵. Ученый обратил внимание на то, что в сравнительной и превосходной степени прилагательного часто меняется фонетический облик основы. Тематический гласный либо удлиняется, либо синкопируется: 1) *σοφότερος > σοφιώτερος 'более мудрый', *τρι-έρης > τρι-ήρης 'тривесельный'; 2) *φιλότερος > φίλτερος 'более любимый'; ἡλύθεμεν > ἤλθεμεν 'мы пришли'. Размышляя о природе этих явлений, Соссюр отметил, что подобные превращения характерны только для основ с кратким корневым слогом. Если он долг, такое изменение не имеет места: δεινός 'ужасный' – δεινότερος. В греческом языке просматривается тенденция не допустить стечения четырех кратких слогов подряд. Причиной ее становления, как полагал Соссюр, явилось влияние гекзаметра: ὄσο. Если слово состоит из трех кратких слогов, последний в стихе может стать долгим по положению. Таким образом, два кратких слога могут образовать тезис одной стопы, тогда как удлинившийся последний слог выступал как арсис последующей стопы⁶. Слово же, состоящее из четырех слогов, не могло быть включено в гекзаметрический стих. Звуковой облик греческого слова оказался приспособлен именно к гекзаметру. Закон Соссюра действовал в период становления греческой эпической традиции.

Итак, в своей деятельности Соссюр решал вопросы, связанные исключительно с историей языков. Однако в «Курсе общей лингвистики» часты

⁵ Une loi rythmique de la langue grecque // Mélanges Graux, 1884.

⁶ Арсис – ударный слог стопы; в гекзаметре он мог быть только долгим и стоял на первом месте. Тезис – безударная часть стопы, которая состоит из одного или нескольких слогов. Стопа с долгим и двумя краткими слогами – дактиль, с двумя долгими, первым ударным – спондей.

такие высказывания: «Таково направление, которое заложил Бопп; поэтому его научное понимание языка неоднородно и шатко»; «Любопытно отметить, что их (синхронных грамматистов. – К. К.) точка зрения по интересующему нас вопросу абсолютно безупречна» (с. 115); «Лингвистика уделяла слишком большое место истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики, но уже понятой в новом духе, обогащенной новыми приемами, и обновленной историческим методом, который, таким образом, косвенно помогает лучше осознать состояния языка» (с. 115–116).

Таким образом, может действительно сложиться впечатление, что Соссюр утвердил приоритет синхронного языкознания над диахроническим. Тем более, что он декларирует необходимость обновления и синхронной лингвистики с опорой на историю языка. Недаром он подчеркивает, что именно последняя лучше помогает понять современное состояние языка. Не следует забывать, что свои работы по индоевропейскому языкознанию Соссюр писал в 80–90-е гг. XIX в., а курс общего языкознания читал в Женеве в 1906–1909 гг. Но архив ученого не указывает на особый интерес к проблемам языковой синхронии. Рукописи Соссюра того времени содержат либо записи стихов (на различных древних языках) с анаграммами (в подавляющем большинстве), либо подготовительные материалы к «Курсу». Поиск анаграмм, т. е. стихов, где так или иначе шифруется имя героя стихотворения⁷, можно считать исследованием на стыке синхронии и диахронии: Соссюр попытался найти общий, унаследованный от периода праиндоевропейского единства принцип поэтики. Вопрос о реальности анаграмм до сих пор дебатруется. Интересную мысль по сходному поводу высказал С. Я. Маршак. Анализируя стихотворение Пушкина «О, сколь милей ты мне, смиренница моя», он показал, что в нем высока частотность звуков [м], [и], [л]. Вывод поэта, всю жизнь изучавшего слово, весьма примечателен: «Пушкин, конечно, не подбирал специально слова, содержащие эти буквы. Смешно представить его за этим занятием. Но и совершенно случайным такой выбор не является. Он обусловлен мелодикой стиха» [1967, с. 167]. Другими словами, по мнению Маршака, важное для стихотворения слово (к которому может относиться и имя собственное) формирует подбор звуков. Возвращаясь же к Соссюру, отметим, что и в женевский период его работы (по большей части не публиковавшиеся при жизни) скорее следует отнести к исследованиям диахронии, чем синхронии. Таким образом, противоречие между исследовательской практикой Соссюра и его декларациями не снимается.

Для прояснения сути проблемы обратимся к записям самого Соссюра, опубликованным в «Cahiers Ferdinand de Saussure», переведенных в из-

⁷ По остроумному наблюдению А. А. Холодовича [1977], такую анаграмму можно обнаружить в лермонтовском «Забил заряд я в пушку тугу».

дании «Заметки по общей лингвистике»: «Теоретики языка... постоянно рассматривали язык как шахматную ПОЗИЦИЮ (у которой нет ни *прошлого*, ни *продолжения*) и ставили вопрос, какова в этой позиции ценность <потенция> соответствующих шахматных фигур. Историческая грамматика, обнаружив, что в шахматной партии есть и ХОДЫ, высмеяла своих предшественников. Со своей стороны, она не желает знать ничего, кроме *последовательности ходов*, и по этой причине претендует на безошибочность своего видения партии; позиции в этой партии ее давно уже не занимают и уже давно не достаиваются ее внимания» [1990, с. 89].

«Вот простой пример: *др-англ. fōt : fōti** ‘нога : ноги’; признаком множественного числа является здесь *i*. Сделаем *один ход* и получим уже новое расположение элементов: *fōti : fōēt*, где теперь признаком множественного числа служит противопоставление *o : œ* (независимо от нашего желания).

Но эти две позиции сами по себе никоим образом не связаны с породившим их событием, они связаны с ним не более, чем случайно возникшее соотношение в камчадалском языке [*ö : ü*] (*sōnk / sunk* ‘в лесу / к лесу’), и не более, чем возникающая в некий момент в двух совершенно разных партиях одинаковая позиция» [Там же, с. 90].

Думается, эти цитаты действительно точно передают взгляды Соссюра. Великий женевец вовсе не утверждал приоритета синхронии над диахронией. Он старался просто разграничить эти понятия, указывая на то, что у каждого направления лингвистики свои задачи и свой инструментарий. После анализа языка в синхроническом и диахроническом аспекте наступает время панхронического анализа. Трудно сказать, насколько Соссюр был последователем идей Гегеля, но такой подход хорошо соответствует триаде: тезис (история языка) – антитезис (изучение синхронного состояния) – синтез (панхрония, включающая в себя и статику, и динамику, и историю, и современное состояние языка, и засвидетельствованные, и реконструированные данные).

Крен в сторону синхронии, сказавшийся в опубликованном «Курсе», связан с научными интересами его публикаторов А. Сеше и особенно Ш. Балли. Основные их исследования посвящены именно синхронии. В книге Балли «Французская лингвистика и вопросы общего языкознания» (рус. пер. 1957) есть глава, посвященная языковым изменениям. Она называется достаточно выразительно: «Патология флексии». Нормой Балли считал только устойчивое состояние языка (см. также [Балли, 1955]). Неудивительно, что оба ученых воспринимали прежде всего те мысли своего учителя, которые лучше всего отвечали их собственным научным интересам. Не искажая высказываний Соссюра, ученики изменили акцент. Так и возник миф о предпочтении синхронных исследований диахроническим у Соссюра.

Список литературы

- Балли Ш.* Жизнь языка. М., 1955.
Дыбо В. А. Славянская акцентология. М., 1981.
Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
Маршак С. Я. Воспитание словом. М., 1967.
Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
Фортуатов Ф. Ф. Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке» // Изв. Имп. АН: Отчет о присуждении Демидовских премий. М., 1897.
Холодович А. А. Примечания // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
Сину А. La phonétique du akkadien // Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowsky. Warszawa, 1927.
Kuryłowicz J. ḫ Hittite et coefficient sonantique // Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowsky. Warszawa, 1927.
Kuryłowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław et al., 1952
Kuryłowicz J. Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1968. Bd. 2: Akzent. Ablaut.

Article metadata

Title: The relations between synchrony and diachrony by Ferdinand de Saussure

Author: K. G. Krasukhin

Author's e-mail: krasukh@mail.ru

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Abstract: Ferdinand de Saussure was a prominent researcher of Indo-European phonetic and grammar. The primacy of synchronic linguistics, however, is proclaimed in his “Course de linguistique generale”. But Saussure had fast no publication, what would be devoted to the problems of synchronic state of language(s). Author tries to explain such contradiction between de Saussure’s scientific interests and declarations of his “Course”. He considers main results of de Saussure: 1. Establishment of structure of PIE roots (with constrains on some sound consequences), role of vowel gradation, finding of non-standard alternation (*ā/i* in Old Indic), hypothesis about the “sonant coefficients” (further identified as laryngeals). I.e., Saussure has elaborated the procedure of internal reconstruction: The features contradicting to common system of a language can contain a peculiar system, reflecting a lost, extinct state of this language. It is shown in article on the sample of Slavic *а* (so-called “little *ju*”). The alternation of *а/ън*, and the analysis of Slavic present’s and infinitives morphonology allows to argue, that this grapheme designed both **en*, **em* and *η, η̄*. I.e., internal

reconstruction considers both synchronic and reconstructed stages of a language. 2. Also the attention in article is paid to the Fortunatov-de Saussure law in Baltic. Both great linguists found such rule: the Lithuanian stress is shifting on the right from a syllable with circumflex to the syllable with acute intonation. Therefore 4 accentuation noun paradigms in Lithuanian can be reduced to two ones: paradigms with immobile and mobile accent. If the noun's root has circumflex intonation, some case flexion cause the secondary accent shift on the right. Primary immobile Baltic nouns correspond with the Greek and Old Indic baritone nouns, and mobile nouns – with oxytone ones. 3. De Saussure's law in Greek: no one word can have 4 short syllables. If such chain occurs by morphologic causes, one syllable is either syncopated, or becomes long. This law is developed by influence of hexameter.

One can suggest that "Course"'s editors, Saussure's students Charles Bally and Alfred Secheyne have expressed their own ideas about the primacy of synchronic research in linguistics. The analysis of texts from Saussure's archive shows, that he didn't prefer synchrony. He divided synchronic and diachronic linguistics, argued the importance of first one and provided their synthesis in a panchronic approach to the langue.

Keywords: Saussure, synchronic and diachronic linguistics, law of accentuation, law of rhythm.

Reference literature (in transliteration):

Charles Bally C. *Zhizn' jazyka*. M., 1955.

Cuny A. *La phonétique du akkadien // Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowsky*. Warszawa, 1927.

Dybo V. A. *Slavjanskaja akcentologija*. M., 1981.

Fortunatov F. F. *Kriticheskij razbor sochinenija G. K. Ul'janova «Znachenie glagol'nyh osnov v litovsko-slavjanskom jazyke» // Izv. Imp. AN: Otchet o prizhdenii Demidovskih premij*. M., 1897.

Holodovich A. A. *Primechanija // Sossjur F. de. Trudy po jazykoznaniju*. M., 1977.

Illich-Svitych V. M. *Imennaja akcentuacija v baltijskom i slavjanskom*. M., 1963.

in honorem Ioannis Rozwadowsky. Warszawa, 1927.

Kuryłowicz J. *h Hittite et coefficient sonantique // Symbolae grammaticae*

Kuryłowicz J. *Indogermanische Grammatik. Bd. II: Akzent. Ablaut*. Heidelberg, 1968

Kuryłowicz J. *L'apophonie en indo-européen*. Wrocław et al., 1952

Marshak S. Ja. *Vospitanie slovom*. M., 1967.

Saussure F. de. *Zametki po obshej lingvistike*. M., 1990.